

АТЛАС МЕМБРАНА МИРОВ

МАРК
ЗАВЕТОВ

Марк Заветов

АТЛАС: МЕМБРАНА МИРОВ

<https://litres.ru/74643679>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если ваш рейтинг, ваша Гармония и ваша демократия — лишь три клетки одной тюрьмы?

Мир расколот. В глянцево́м Капитарионе эмоции продаются, а АУРА решает, достоин ли ты жить. В сером Коммунитасе инакомыслие лечится «Корректировкой», а правда стирается. В тихом Эквитариуме голосуют за всё, но боятся выйти за долину.

Пустошь хранит секрет Схизмы. Когда трансмиттеры из трёх миров пересекаются, они обнаруживают: раскол был спланирован. За кулисами стоит Смотрящий, и его цель — не война, а слияние. Идеальный мир без лжи, но и без выбора.

Герои книги должны решить: подчиниться, сражаться или создать Мембрану — грань, где различия не уничтожаются, а становятся силой. Правда стоит дорого. А свобода требует жертв, которых никто не обещал вернуть.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ЧАСТЬ I. ГРАНИ	11
Глава 1. Золотая девочка	11
Глава 2. Правильный офицер	23
Глава 3. Отшельник	32
Глава 4. Пробой	41
Глава 5. Небо без АУРЫ	50
Глава 6. Крысы в норе	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

АТЛАС: МЕМБРАНА МИРОВ

*"Свет, не встретивший преграды, не
рождает тепла. Он лишь проходит
насквозь, не оставив следа".*

<i>Запись на полях старой карты Плетущих</i>

ПРОЛОГ

Падение в Пустошь

Воздух в Эквитариуме пах озерной водой и нагретой хвоей.

Ирис стояла на краю уступа, подставив лицо закатному солнцу, и думала, что этот мир, при всех его бесконечных Кругах и бессонных голосованиях, иногда умеет быть просто красивым. Без цели. Без протокола. Просто свет, вода и легкий запах ели. Всё рождало внутри какое-то необычайное умиротворение и уникальное ощущение момента.

– Ты опять не голосовала, – сказал Каин.

Он подошёл бесшумно – старые кожаные сандалии, вытертые до блеска на пятках, ступали по камням привычно. Ирис не обернулась.

– Я голосовала. За то, чтобы закаты оставили в покое и не обсуждали их на общем собрании.

– По повестке было распределение воды в нижних кластерах. Закаты – пункт четырнадцатый, – подошел и обнял сзади женщину Каин. Она игриво опрокинула голову назад на плечо партнера.

– Вот видишь. Я принципиально не голосую за пункты после десятого. Это моя гражданская позиция.

Каин фыркнул. Это был старый спор, уютный, как разношенная обувь. Они жили вместе уже пять лет, и каждый знал все трещинки и границы в аргументах другого. Ирис демонстративно вырвалась из объятий, села на большой серый камень, заметно возвышавшийся над другими. Он присел рядом, положил ладонь на её затылок – просто так, ощутить тепло. Волосы у Ирис пахли дымом от общего очага. Каин до сих пор наслаждался и удивлялся этому замечательному человеку, с которым свела его жизнь.

Вечер дышал в лицо. Где-то внизу, в долине, зажигались окна их кластера – низкие каменные дома, увитые проводами для подключения детекторов КСИ (коллективной системы идентификации) и системы общего оповещения и мониторинга. В этот час обычно проводили вечерние Круги, но сегодня Ирис нарочно ушла наверх – сказала, что хочет тишины. Каин понял: не тишины. Хочет побыть с ним без вездесущего внимания сети.

– Ты сегодня какая-то... – он помедлил, подбирая слово. – Даже не знаю. Прозрачная.

Ирис улыбнулась одними уголками губ. Улыбка вышла

странная – невесомая, будто уже принадлежала чему-то ещё, не только этому миру.

– Мне нужно тебе кое-что показать.

– Опять эксперимент?

– Опять.

Каин вздохнул, но без досады. Ирис была из породы исследователей – редкой в Эквитариуме, где всякое знание сперва проходило этическую экспертизу трёх Кругов, а потом ещё год лежало под общественным обсуждением и наблюдением. Ей было тесно. Она говорила: «Знание не ждёт консенсуса». Её терпели. Даже любили за это – пока она не переступала черту, как это часто бывает с учеными.

Они спустились в подземную лабораторию – бывшее овощехранилище, приспособленное под её опыты. Там слегка пахло сыростью и озоном для обеззараживания воздуха. На самодельном столе, собранном из переработанных композитных щитов, мерцал прибор – незнакомый, явно собранный недавно и не по стандартным чертежам Эквитариума.

– Я назвала его Резонатор реальностей, – Ирис провела ладонью над сферой из тёмного стекла, и та отозвалась глубоким, почти утробным гулом. – Он улавливает частоты, на которых существуют... слои.

– Слои чего?

– Реальности, Каин. Мы не одни на Атласе. Есть другие слои – другие миры, реальности. Они где-то здесь, вплотную.

Как страницы в книге, как единичные инструменты, слышимые в оркестре. Я слышу их уже несколько месяцев.

Каин ничего не ответил. Он внимательно смотрел на сферу. Та пульсировала – медленно, как сердце спящего зверя.

– И что ты хочешь сделать? – спросил он наконец.

– Приоткрыть. Только чуть-чуть. Посмотреть одним глазком.

– Ирис...

– Я знаю, что ты скажешь. – Она повернулась к нему, глаза её нетерпеливо горели ожиданием чего-то сакрального и необычного. – Согласование, Круги, экспертиза. Но пойми: там, за гранью, может быть разгадка! Почему Схизма случилась? Почему мы такие? Почему наш мир – только осколок? Я должна!

Она всегда говорила самоуверенно и безапелляционно «я должна», когда речь заходила о том, что нельзя было объяснить логикой. Каин ненавидел это выражение и любил его одновременно. Оно означало, что спорить бесполезно.

– Я всегда с тобой, – сказал он, уступив ее напористости.

– Знаю.

Она поцеловала его – быстро, почти рассеянно, и этот поцелуй был легким и горьким, хотя он осознал это только моментом позже.

Ирис активировала Резонатор.

Сфера загудела громче. Воздух в подвале стал плотным, наэлектризованным – волосы на руках Каина встали дыбом.

Он видел, как Ирис нажимает сенсоры на приборе управляя параметрами прибора, как её пальцы двигаются быстро и уверенно, как она шепчет что-то – не заклинание, нет, скорее расчёт или алгоритм, проговариваемый вслух. Свет внутри сферы сменился с янтарного на холодный, белый, режущий глаз.

А потом пространство внезапно разорвалось.

Не грохотом и не взрывом, а тихим и вкрадчивый треском, с каким расходится по стеклу первая трещина. Прямо в воздухе, посреди лаборатории, возник разрыв – вертикальная щель, за которой не было ничего. Не чернота и не свет. Ничего – как если бы кто-то вырезал из реальности кусок и забыл вставить замену.

Из разрыва не дуло, отсутствовали запахи и звуки. Но Каин почувствовал странную вибрацию в груди – низкую, тошнотворную, на грани слышимости.

– Получилось... – резко выдохнула Ирис. Она смотрела на разрыв с восторгом и ужасом одновременно. Её зрачки расширились, в них отражалась белизна пробоя.

– Закрывай, – закричал Каин.

– Ещё минуту. Я записываю показатели.

– Ирис?!

Но прибор на столе уже дымился. Сфера накалилась добела. Разрыв в воздухе начал пульсировать, менять форму – растягиваться, словно рот, который пытается что-то произнести.

А затем он втянулся.

Это было похоже на резкий вдох – огромный, всепоглощающий вдох пустоты. Воздух в лаборатории рванулся к пробою, увлекая за собой лёгкие предметы, листы расчётов, инструменты. Каина слегка отбросило назад из-за разницы давлений, он вцепился в край стола.

Ирис стояла гораздо ближе.

Она даже не закричала. Только обернулась на долю секунды – и он успел увидеть её лицо. На нём не было ужаса. Было изумление. Почти благоговение.

А потом пробой сомкнулся в одно мгновение вокруг неё. И её не стало...

Каин бросился вперёд, к пространству, где разрыв уже схлопнулся. Тишина. Воздух в лаборатории – спёртый, горячий, пахнущий горелым пластиком. Разорванная Сфера на столе остывала, покрываясь сетью мелких пробоин от разлетевшихся осколков. На полу, там, где только что стояла Ирис, не осталось ничего. Ни следа. Ни запаха. Только одна её сандалия, упавшая подошвой кверху после хлопка пустоты, забравшей его супругу.

Каин простоял так долго – может, час, может, два. Потом осел на пол. И закричал от бессилия что-либо сделать и не находя логические и разумные объяснения произошедшему.

Никто ничего не слышал и не пришёл. Подвал был полностью звукоизолирован – Ирис сама об этом позаботилась. Ей хотелось проводить эксперименты без согласований с Кру-

гами и обществом.

В ту ночь в Эквитариуме шёл дождь. Он барабанил по каменным крышам, стекал в водостоки, наполнял цистерны, создавая свою любимую неповторимую какофонию звуков. Система жизнеобеспечения работала штатно. КСИ фиксировал обычный ночной трафик – сны, тревоги, редкие всплески радости, физические параметры среды и трафик. Никаких аномалий. Никаких сигналов.

Мир не заметил потери одного человека в этой реальности.

Каин растерянно сидел в опустевшем доме до рассвета, сжимая в руках её сандалию. Он ещё не знал, и не мог знать, что произошло на самом деле. И, возможно, именно это станет началом истории.

ЧАСТЬ I. ГРАНИ

Глава 1. Золотая девочка

Лия умела улыбаться двадцатью тремя способами.

Этому учили на втором курсе обязательного Корпоративного университета Капитариона, предмет «Эмоциональная гимнастика: практика и монетизация». Улыбка номер четыре – «доверие плюс лёгкое сожаление о потраченных деньгах» – годилась для презентаций дорогих, но необязательных продуктов. Улыбка номер семнадцать – «я такая же, как вы, только чуть успешнее» – для встреч с клиентами из верхнего среднего сегмента, которые ещё надеялись пробиться в высший, но уже начинали догадываться, что не пробьются.

Сегодня она использовала номер двадцать три.

У этой улыбки не было названия в учебнике. Лия придумала её сама – смесь интимности, ледяного расчёта и намёка на то, что где-то глубоко внутри, под слоями дорогой косметики и корпоративных протоколов, прячется живой человек. Намёк был ложью, но клиенты покупались.

– ...и, коллеги, – Лия торжественно обвела взглядом зал, задерживаясь ровно на полторы секунды на каждом лице в первом ряду, – именно поэтому «Эмпатия-Плюс» – не просто продукт. Это ваш лифт. Вверх.

Она нажала сенсор на браслете.

Позади неё развернулся голографический экран. Цифры, графики, лица – счастливые, разумеется. Женщина средних лет с идеальной кожей обнимала ребёнка. Мужчина в деловом костюме смотрел вдаль с выражением спокойной уверенности. Стандартные образы из стандартной колоды – их продавали оптом на корпоративных маркетплейсах. Лия не знала этих людей. Их, скорее всего, не существовало. Тем более при генерации искусственным интеллектом можно было не заморачиваться с авторскими правами и отчислениями. Грань между искусственным и реальным миром давно была стерта.

– «Эмпатия-Плюс» временно повышает ваш рейтинг эмоциональной вовлечённости, – продолжала она, и её голос звучал теплее, чем она сама когда-либо чувствовала. – Алгоритмы АУРЫ учитывают не только вашу покупательную активность, но и социальные сигналы. Искренность. Открытость. Способность вызывать доверие. Вы знаете, сколько баллов можно потерять просто потому, что вы устали и не смогли изобразить радость при встрече с партнёром? До сорока за один вечер. «Эмпатия-Плюс» страхует вас от этого. Одна таблетка – и ваша АУРА благоухает.

Пауза. Три секунды – ровно столько, чтобы слушатели успели представить себе эти сорок потерянных баллов и ужаснуться.

– А теперь – вопрос цены, – слегка томно, но громко про-

изнесла Лия.

Зал подался вперёд.

Лия улыбнулась. Имплант на запястье потеплел – +1,2 единиц кредита к дневному рейтингу за успешный питч. Она почти физически ощутила, как тёплая волна бежит по венам. Или это просто плацебо. А может, просто рекламный слоган, который она сама придумала для предыдущего продукта и теперь, кажется, начала в него верить.

Презентация закончилась.

Лия вышла через служебный выход, не задерживаясь для рукопожатий. Она перевыполнила свою дневную норму пополнения баллов на презентации. Рукопожатия – это дополнительные баллы, но сегодня ей было плевать. Так, бывало, иногда – внезапная, почти тошнотворная усталость от собственного голоса, от чужих лиц, от запаха озона и ванили, которыми накачивали конференц-залы, чтобы гости чувствовали бодрость и жажду покупок.

Она спустилась на парковку.

Машина узнала её по чипу и приветливо зажгла салон тёплым, чуть розоватым светом – оттенок «утренний шёпот», стоивший дополнительных две тысячи кредитов. Лия села, но не включила двигатель. Посидела в тишине, глядя на бетонную стену перед собой. Бетон был покрыт рекламой – «Подними АУРУ за выходные», «Ты – это твой рейтинг», «Новый вкус счастья. Без лактозы».

– Зашибись, – удовлетворенно сказала она вслух.

Имплант дёрнулся холодком. Система регистрировала базарную лексику и вычитала баллы за «низкую культуру речи». Лия скосила глаза на запястье: минус ноль три. Плевать. Сегодня был тот редкий день, когда она позволяла себе наплевать на алгоритмы.

Такие дни случались примерно раз в три месяца. Лия называла их про себя «днями чёрного дерьма». Она просыпалась утром, смотрела на цифры своего рейтинга – девятьсот семьдесят восемь тысяч баллов, уровень «Бриллиант», доступ в любые закрытые клубы Капитариона, скидка на генетическую страховку, право на индивидуальный фильтр воздуха в квартире – и чувствовала не гордость, а что-то другое. Что-то тягучее, мутное, как отрыжка после дешёвого синтетического ужина.

Пять лет назад, когда она только начинала, рейтинг в сто тысяч казался вершиной. Она верила, реально верила, что АУРА – это объективная оценка человеческой ценности, что баллы отражают труд, талант и вклад в общество. Она выступала на корпоративных семинарах и говорила: «АУРА – это справедливость. Это честный рыночный ответ на вопрос, кто ты такой».

Теперь она знала, что АУРА – это просто гейминг. Игра на выживание и удовлетворение своих потребностей. И люди как наркоманы, ищущие очередную дозу, искали варианты как удовлетворить алгоритм, для получения очередного

уровня разрешенного потребления.

В эту игру играли все независимо от слоев общества. И выйти из неё было нельзя.

Уже ближе к ночи девушка добралась до дома. Три комнаты на сто четвёртом этаже, вид на финансовый центр, воздух с индивидуальной ароматизацией (сегодня – «горный луг»), она сбросила туфли и прошла на кухню. Открыла холодильник. Внутри ровными рядами стояли контейнеры с едой – диетической, сбалансированной, одобренной её персональным нутрициологом. Еда была красивая, но невкусная. Человечество так и не преодолело проблему синтеза вкусного и полезного. Лия взяла контейнер с салатом, посмотрела на него, представив его кисловатый вкус, и поставила обратно.

Вместо этого она достала из морозилки пачку дешёвого синтетического мороженого – того самого, которое ела в детстве, когда ещё жила с отцом в нижнем секторе. Мороженое было запрещено её диетой, её статусом и здравым смыслом топ-потребителя. Оно содержало «эмоционально нестабильные жиры», как говорилось в рекламе дорогих продуктов.

Лия отковыряла ложкой кусок и засунула в рот. Вкус был химический, приторный, только слегка напоминающий мороженого из детства. Но напоминание сработало. Она вдруг увидела отца – его морщинистое лицо, вечно встревоженное, его привычку проверять баланс каждые полчаса, его дрожащие руки, когда АУРА опускалась ниже критической отмет-

ки. Потом – его пустой взгляд, когда пришли из Бюро Кредитной Коррекции. Потом – его тело на дешёвом реабилитационном кресле, которое отключили ровно в тот момент, когда баланс достиг нуля.

Страховка не покрыла его кремирование. Рейтинг был слишком низким. Просто отвезли в зоопарк на кормежку хищным животным.

– Пап, – сказала она вслух, будто в этот момент он был рядом, и голос прозвучал глухо. – Я теперь «Бриллиант». Почти миллион баллов. Слышишь?

Никто не ответил. Отец умер восемь лет назад. АУРА не передавала сообщений мёртвым – эта услуга была в разработке, но пока не окупилась, так как за хранение сознания умершего и его виртуализацию требовались большие запасы баллов. Вся экономика Капитариона была заточена больше на потребление, чем на заботу. А если это была забота, то исключительно мнимая, ради чьей-то очередной выгоды.

Имплант на запястье снова потеплел: +0,1 кредита за «семейные ценности». Алгоритм уловил ключевые слова «папа», «слышишь» и эмоциональный тон, распознал ностальгию и посчитал её социально одобряемой.

Лия засмеялась. Смех был ироничный.

– Спасибо, – сказала она ехидно алгоритму. – Ты настоящий друг.

Сигнал вызова пробился через общий канал прослушива-

емых пропущенных аудиосообщений на модной интерактивной ТВ панели – короткий, резкий, с пометкой «Приоритет».

Лия глянула на экран. Номер незнакомый. Код защищённый, корпоративный, с двойным шифрованием. Такие использовали либо в Совете Акционеров, либо те, кто хотел, чтобы их не нашли.

Она помедлила три секунды. На четвёртую – приняла.

– Добрый вечер, госпожа Таран, – голос был мужской, ровный, обработанный фильтром. – Поздравляю с успешной презентацией. Один и два десятых балла за питч – это сильно.

Лия напряглась. Данные о её баллах были закрыты. Посторонние не могли их видеть. Значит, звонящий имел доступ к её профилю. Или к профилю её импланта.

– Кто это говорит?

– Наниматель. Давайте, назовусь так. У меня к вам деловое предложение.

– Я не работаю с анонимами.

– А с теми, кто знает о ваших прогулках в Пустошь?

Пауза. Внутри у Лии внезапно что-то оборвалось – мягко, почти беззвучно. Так обрывается нитка на дешёвой синтетической блузке: вроде ничего не случилось, но возникло ощущение что ткань уже поползла.

Она знала, что этот день настанет. С того самого момента, когда пять лет назад, впервые провалившись в пробой случайно, она обнаружила, что может проходить сквозь невидимую стену.

димые границы миров или реальностей. Она скрывала это. Тщательно. Никто не знал – ни друзья, ни любовники, ни корпоративная служба безопасности. Никто.

– Я не понимаю, о чём вы, – сказала она ровно, без тени сомнения в голосе.

– Понимаете. И поймёте ещё лучше, когда мы встретимся лично. Завтра. В башне «Омни-Синт». Уровень сто двадцатый. В десять утра. Вас встретят и проводят.

«Омни-Синт». Третья по величине корпорация Капитариона. Биотехнологии, нейроинтерфейсы, генетическое патентование, вся логика на генеративном ИИ. Год назад они вышли на рынок с продуктом «Воплощение» – бэкап сознания в облачное хранилище. Технология ещё сырая, но акции уже взлетели. Лия слышала, что внутри у них не всё чисто, но кто в Капитарионе мог похвастаться чистотой?

– А если я откажусь? – спросила она.

– Не откажетесь, – голос остался таким же ровным. – У нас есть информация о ваших, – собеседник взял паузу на три секунды. – путешествиях. И о людях, с которыми вы там встречаетесь. Если эта информация попадёт в Бюро Рейтинговой Безопасности, ваш счёт обнулится. Вы же знаете, что это значит.

Лия знала. Обнуление рейтинга – это гражданская смерть. Отказ в медицинской страховке, блокировка жилья, запрет на профессию, самые нижние уровни жизни этого мира. Медленная, мучительная декомпенсация – организм без

поддержки имплантов угасает за полгода. Она видела это с отцом. Второго раза она не переживёт.

– Что вам нужно? – спросила она.

– Подробности завтра. Спокойной ночи, госпожа Таран. И да – не ешьте это мороженое. Оно вредит вашему рейтингу. Зазвучали короткие гудки.

Лия медленно опустила руку на панель для выключения. Посмотрела на пачку синтетического мороженого, которая всё ещё лежала на столе. Всмотрелась в решетку воздуховода ароматизатора, в пасть змеи на потолке, которую изящно обвили декоративные провода с лампами освещения, пытаюсь увидеть скрытые камеры и микрофоны, вслушалась в тишину после разговора, ожидая услышать разговоры специалистов по прослушке в соседней квартире. Ничего. Потом взглянула растерянно в окно, за которым переливался ночной Капитарион: небоскрёбы, реклама, бесконечные цепочки огней и снующих автомобилей и дронов доставщиков.

Кто-то знал о ней гораздо больше, практически всё.

И этот кто-то только что сделал ход.

Имплант на запястье снова ожил. На этот раз – холодком. Система АУРЫ зафиксировала учащение пульса и занесла его в категорию «Тревожность. Рекомендация: дыхательные упражнения, чай без кофеина, консультация корпоративного психолога».

Лия посмотрела на холодный огонёк под кожей. Он под-

мигивал ей – спокойно, деловито, как ни в чём не бывало.

– Спасибо, – сказала она импланту. И добавила уже язвительно. – Обязательно сделаю дыхательные упражнения. Прямо сейчас. Вот только...

Она не договорила. Встала. Подошла к окну. Прижалась лбом к холодному стеклу – тому самому, с индивидуальным напылением, блокирующим вредный ультрафиолет и, как говорилось в брошюре, «эмоционально нестабильные излучения».

Где-то там, за огнями Капитариона, лежали другие реальности. Она знала это, потому что видела их во время спонтанных переходов. Серые, выветренные бетоны Коммунитаса. Зелень и камень Эквитариума. И между ними – Пустошь, место, где не было никаких рейтингов. Никаких алгоритмов. Никаких баллов.

Только она сама и пустота.

Но, как выяснилось, что кто-то ещё.

Ночью ей приснился пробой.

Ей часто снились пробои – она уже привыкла к ним. Но в этот раз сон был необычно ярким, почти осязаемым, до физического сокращения мышц. Она стояла на краю разрыва – того самого, в который провалилась пять лет назад, испугавшись до полусмерти. Из разрыва не дуло, не пахло, не звучало – как всегда. Но в глубине Пустоши на этот раз что-то мерцало. Что-то тёплое, живое, почти человеческое.

И кто-то смотрел на неё оттуда, притягивая к себе невидимым канатом.

Лия проснулась в четыре утра. Сердце колотилось. Имплант услужливо сообщил: «Ночная тахикардия. Рекомендация: исключить стресс, уменьшить потребление кофеина, пройти проверку у кардиолога».

– Обязательно, – прошипела она. – Завтра же. После встречи с шантажистами.

Она села в кровати. Взяла с тумбочки стакан с водой – вода была фильтрованная, с индивидуально подобранным минеральным составом, который, как утверждала фирма производитель, «повышал эмоциональную стабильность». Сделала глоток. Вода была до тошноты безвкусной.

До рассвета оставалось два часа. Лия знала, что больше не уснёт.

Вместо этого она открыла приложение АУРЫ и посмотрела на свой рейтинг. Девятьсот семьдесят восемь тысяч. Четыреста тридцать два кредита. За ночь ничего не изменилось – алгоритм спал вместе с ней.

– Ладно, – сказала она цифрам. – Посмотрим, что вам от меня нужно, ребята из «Омни-Синт». И что вы знаете о Пустоши.

Цифры не ответили. Но имплант на запястье снова потеплел – +0,2 балла за «целеустремлённость».

Лия улыбнулась. На этот раз – улыбкой номер двадцать четыре. У этой улыбки не было названия, и она была един-

ственной настоящей. Лия использовала её, когда никто не видел.

Но кто-то, кажется, видел её всегда.

Глава 2. Правильный офицер

В Коммунитасе сегодня пахло обеззараживанием – хлоркой.

Это был вездесущий запах – он пропитывал коридоры Службы Гармонии, въедался в серое сукно формы, стоял в столовых и общих залах для Часов Единства. Хлоркой дезинфицировали воздух, воду, руки и, казалось, что даже сами мысли жителей уже были навечно пропитаны раствором. Илья давно перестал его замечать. Как перестал замечать и многое другое: серый цвет стен, одинаковые двери кабинетов, тихий гул вентиляции, под который так удобно было думать, что всё идёт правильно.

Сегодня он сидел в четырнадцатом кабинете Службы и разглядывал «чуждый артефакт».

Вещь была небольшая – размером с ладонь, гладкая, переливчатая, с голографическим покрытием, которое меняло цвет в зависимости от угла зрения. Карманное зеркальце, только без зеркала. Вместо отражения на поверхности всплывали цифры: рейтинг, статус, уровень доступа. Личное зеркало АУРЫ – такие гаджеты носили в Капитарионе все, от высших Акционеров до уборщиков и мусорщиков нижних слоев.

Здесь, в Коммунитасе, оно было бессмысленным. Никакой системы АУРЫ не существовало. Никаких начисленных

кредитов. Никаких рейтингов. Только труд, паёк и Гармония.

– Откуда? – строго просил Илья, не поднимая глаз.

Напротив сидел гражданин третьего сектора – мужчина лет пятидесяти с блёклыми, выцветшими глазами и привычкой теревить край рукава. Он был напуган. Службу Гармонии боялись все, даже невиновные. Невиновных, как любил повторять комиссар Ворон, не существует – есть те, чью вину ещё не доказали.

– Нашёл, – пробормотал еле слышно гражданин. – На улице. Возле распределителя.

– На улице, – медленно повторил Илья. – Возле распределителя. И вы решили, что лучший способ распорядиться находкой – принести её домой и спрятать под матрасом?

Гражданин еле заметно дрожал всем телом. Илья заметил, как у него трясутся руки и слегка подергивается лицевая мышца под правым глазом. Так дрожат люди, которые знают за собой грех и надеются, что их не раскусят.

– Я хотел... посмотреть. Просто посмотреть.

– На что?

Гражданин замолчал. Илья поднял на него глаза – спокойные, серые, без злобы. Этому взгляду он тоже научился в Службе: не давить, не угрожать, а просто ждать. Ожидание всегда ломало простых людей быстрее крика.

– На цифры, – с трудом выдавил гражданин. – Там... красиво. Они светятся.

Илья отложил зеркало. Красиво. Человек рисковал попасть под комиссию, под Корректировку, под перераспределение в дальние сектора – ради того, чтобы посмотреть на светящиеся цифры чужого рейтинга.

– Чуждые для нас артефакты подлежат сдаче в Службу Гармонии в течение трёх часов с момента обнаружения, согласно уставу, – безразлично произнёс он заученную формулу. – Вы хранили вещь четверо суток. Это нарушение. Будет комиссия.

– Я... я знаю.

– Тогда зачем?

Гражданин поднял на него глаза. В них стояло что-то, чего Илья не ожидал: не страх, не мольба, а странная, почти неловкая честность.

– Вы не поймёте, офицер. Там – цифры. А здесь – ничего. Я пятьдесят лет живу в «ничего». А там у каждой твари есть число. Глупо, да?

Илья ничего не ответил. Он заполнил протокол и отпустил гражданина. Тот ушёл, ссутулившись, прижимая к груди пропуск с пометкой «ожидает комиссии». Дверь закрылась с мягким, всасывающим звуком. Запах хлорки стал чуть гуще – где-то в конце коридора санитарная бригада обрабатывала стены после ночной смены.

Илья остался один.

Он взял зеркало АУРЫ и повертел в руках. Цифры погасли – устройство, лишённое связи с сетью Капитариона, пре-

вратилось в кусок красивого, но бесполезного пластика. Бессмысленная вещь. Он положил её в сейф, к таким же бессмысленным вещам: наручные часы, считавшие не время, а кредитный рейтинг; флакон с духами, менявшими запах в зависимости от социального статуса собеседника; детская игрушка – плюшевый медведь, который вместо «мама» говорил «ваш баланс пополнен».

За четыре года службы Илья повидал десятки таких артефактов. Они просачивались сквозь границу, как вода сквозь трещину в бетоне. Откуда – никто не знал. Контрабандисты? Случайные выбросы? Шутки Пустоши? Официальная версия гласила: «происки деструктивных элементов, стремящихся подорвать стабильность Гармонии». Илья верил в официальную версию. Она была проще и понятнее.

Вечером он зашёл к сестре.

Аня жила в седьмом секторе – стандартный жилой блок, одна комната, кровать, стол, терминал общественного доступа. На стенах – ничего. Никаких картинок, никаких голографических украшений. Украшения считались излишеством, а излишества – шагом к деструктивному поведению. В Коммунитасе учили: пустые стены – чистые мысли.

Аня сидела на кровати, поджав ноги, и читала.

Когда дверь открылась, она вздрогнула почти неуловимо, но Илья заметил. Как и то, что она быстро сунула книгу под подушку.

– Можно было постучать, – недовольно буркнула она.

– Я офицер Службы, – ответил он, и это прозвучало глупее, чем он хотел.

– Именно поэтому. – недовольно парировала девушка.

Они смотрели друг на друга. Аня была младше на четыре года. В детстве она ходила за ним хвостом, таскала из столовой лишний хлеб и вечно задавала вопросы: почему небо серое, почему нельзя петь громко, почему Часы Единства называются Часами, если длятся всего сорок минут? Вопросы кончились, когда ей исполнилось пятнадцать. Тогда же начались вызовы на комиссию.

– Завтра тебе идти на Слушание, – сказал Илья.

– Знаю.

– Что ты им скажешь?

– Правду.

– Аня...

– Правду, Илья. Я читала запрещённую литературу. Я знаю, что это запрещено. Я готова отвечать.

Она говорила ровно, без вызова, но в голосе звенело что-то, что Илья не мог распознать. Гордость? Упрямство? Максимализм? Или та самая «деструктивность», о которой предупреждали на инструктажах?

– Ты можешь сказать, что осознала ошибку, – предложил он. – Что сожалеешь. Что просишь Корректировки. Это смягчит решение.

– То есть соврать.

– То есть исправиться. – резко и холодно отрезал голосом он.

Аня покачала головой. В этом жесте не было злости. Была та самая жалость, которую Илья почувствовал кожей и не смог назвать сразу. Он очень любил ее, пытался максимально скрасить ее жизнь, но не мог нарушить устав Службы.

– Ты правда веришь, что это – исправление? – спросила она. – Сказать то, что они хотят услышать, и сделать вид, что ты стал правильным?

– Я верю в Гармонию.

– Гармония – это когда все поют одну ноту. А полифония – это когда разные. И она тоже может звучать гармонично. Понимаешь?

Илья не ответил. В висках застучало – глухо, предупреждающе. Он знал этот стук. Так бывало, когда разговоры заходили куда-то, куда им заходить не следовало. Когда слова начинали значить больше, чем им было позволено.

Аня достала книгу из-под подушки. Старая, бумажная – такие не печатали в Коммунитасе уже лет тридцать. На обложке не было названия, только потёртый переплёт и следы чьих-то пальцев.

– Хочешь знать, что я читаю? – спросила она.

– Не хочу.

– Это стихи. Старые стихи, ещё до Схизмы. Просто слова. Просто рифмы. Они никого не свергают и не призывают к бунту. Но за них – комиссия.

– Значит, есть причина.

– Причина в том, что кто-то очень боится, как бы мы не начали думать своей головой. А думать, Илья, – это не преступление, а естественная функция здравомыслящего человека.

Илья встал. Разговор пора было заканчивать. Он чувствовал, как внутри поднимается что-то мутное, незнакомое – смесь гнева и тоски, которую он не мог и не хотел разбирать на составляющие. Но оно упрямо пробивалось сквозь уставы и правила его жизни.

– Завтра в девять, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал сухо, по-служебному. – Не опаздывай.

– Я никогда не опаздываю, – уверенно ответила Аня. – Ты же знаешь.

Он вышел. Дверь закрылась с тем же всасывающим звуком – мягким, окончательным. Он тяжело выдохнул и направился на Службу.

В коридоре опять пахло хлоркой. Под потолком гудела лампа дневного света – монотонно, как молитва. Илья постоял с минуту, глядя на серую стену с выцветшей надписью: «Гармония – в единстве. Единство – в Гармонии».

Он повторял эту фразу тысячу раз. Она всегда помогала. Сегодня – нет.

Вернувшись в казарму ночью, он быстро отключился от монотонного дня и погрузился в сон.

Снилась серая равнина без конца и края. Не Пустошь – Илья не знал, что такое Пустошь, – а просто пустое пространство, залитое ровным, бестеневым светом. Он шёл по нему, и шаги не отдавались эхом. Вокруг ничего не было: ни стен, ни неба, ни горизонта, пустота

Только одинокая дверь. Обычная, деревянная, с вытертой ручкой – такая могла стоять в жилом блоке или в кабинете Службы. Она висела прямо в воздухе над землей, ни к чему не прикреплённая.

Илья подсознательно осознавал, что открывать её нельзя. Знал – и всё равно подошёл. Взялся за ручку. Ручка была тёплой. Человечески тёплой, как ладонь.

Казалось, что за дверью кто-то стоял.

Кто-то живой. Кто-то, кто ждал его с той стороны. Кто-то, кто дышал – часто, сбивчиво, как дышат после долгого бега. Или перед прыжком.

Илья отдёргнул руку. И проснулся.

В комнате было темно и тихо. Сосед по блоку спал, отвернувшись к стене. Вентиляция гудела ровно, как всегда. Запах химии был чуть слабее, чем днём, едва просачиваясь из коридора.

Илья лежал и смотрел в потолок. Сердце бешено колотилось. Он попытался вспомнить сон – и не смог. Осталось только смутное ощущение: за дверью что-то было. Что-то важное, что он когда-то забыл давно и накрепко, как забыва-

ют детскую клятву или имя дальней родственницы, которую перераспределили в другой сектор десять лет назад.

Он закрыл глаза. Всё было по-прежнему - вентиляция гудела, сосед дышал ровно. Ночь тянулась, как серая нитка из протёртого сукна формы.

До рассвета было ещё три часа. До Слушания Ани – четыре.

Илья знал, что заснуть больше не получится. Знал и другое: утром он пойдёт в Службу, заполнит протоколы, сдаст зеркало АУРЫ вместе с другими артефактами в архив и скажет себе, что всё в порядке. Что Гармония стоит жертв. Что сестра опять сама виновата.

Так было проще всего...

Глава 3. Отшельник

В Эквитариуме был прекрасный солнечный день.

Здесь не навязывали атмосферу и запахи. Все было естественно и не регламентировалось циркулярами. Всё было просто – как воздух, как свет, как право голоса на Круге. Естественная часть мира реальностей, который всё ещё помнил себя до Схизмы.

Каин вышел на крыльцо и зажмурился. Солнце стояло высоко, заливая долину ровным янтарным светом, охаживая своим теплом всех живых этого мира. Дом, сложенный из дикого камня, цеплялся за склон холма. Ниже, в распадке, блестела вода – там заканчивался акведук, питавший их кластер. Ещё ниже, у горизонта, дымили трубы ремесленных мастерских. А ещё ниже – там, куда он старался не смотреть, – начинался большой мир, который подсознательно снова звал его по имени.

– Ты опять не включил приёмник, – раздалось сзади.

Рафаэль стоял в дверях, придерживая плечом старый деревянный косяк. Он был высокий, выше отца на полголовы, и солнце путалось в его тёмных волосах – таких же, как у Ирис. Тот же цвет, та же привычка смотреть не на собеседника, а чуть поверх, словно он видел что-то ещё, недоступное прочим.

– Я не обязан быть на связи каждую минуту, – ответил

Каин. – Для этого есть делегаты.

– Ты сам был делегатом. Пятнадцать лет. Тебя до сих пор цитируют на Кругах.

– Значит, я достаточно наговорился. – недовольно ответил Каин.

Рафаэль не ответил. Он спустился с крыльца, подошёл к старому верстаку, на котором Каин чинил водяной насос. Верстак был завален инструментами: медные трубки, композитные прокладки, ручной сварочный аппарат, списанный из общей мастерской. Каин любил чинить вещи. Вещи были проще людей, предсказуемы как чертеж с ожидаемым результатом.

– На Круге сегодня обсуждают Контакт, – сказал Рафаэль нейтральным тоном.

– Какой контакт?

– С другими реальностями. Ты не слышал? Группа исследователей из четвёртого кластера зафиксировала сигналы. Похожие на те, что искала мама.

Каин замер. Рука, сжимавшая трубку, побелела на костяшках. Прошло почти двадцать лет, но имя Ирис всё ещё было его под дых – внезапно и без промаха.

– Твоя мать искала совсем другое, – сказал он недовольно, не оборачиваясь.

– Она искала другие реальности. И нашла.

– И это её убило.

– Ты не знаешь наверняка, - парировал сын.

Каин медленно положил инструмент. Повернулся. Лицо у него было спокойное, но глаза – те самые, которые когда-то смотрели на пробой и видели, как любимая исчезает в ничто, – смотрели на сына с тяжёлой, усталой болью.

– Я знаю, что видел, – сказал он. – И этого достаточно.

Рафаэль выдержал взгляд отца, не отводя глаз. Это было новое. Раньше, подростком, он опускал голову, когда он говорил о матери. Теперь – нет. Что-то в нём изменилось за последние месяцы. Или кто-то изменил.

– Ты поэтому не ходишь на Круги? – уже более спокойным голосом спросил он. – Боишься, что кто-то заговорит о пробоях?

– Я не боюсь.

– Тогда почему?

– Потому что я уже сделал свой выбор. И выбрал тишину.

Рафаэль покачал головой – точь-в-точь как Ирис когда-то, тем самым движением, которое означало: «Ты говоришь глупости, но я тебя всё равно люблю».

– Тишина – это не выбор, отец. Это отказ выбирать.

Он развернулся и пошёл вниз по тропе, в сторону общего зала, где вечером должен был собраться Круг.

Каин смотрел ему вслед. Солнце слепило. Ветер приносил прохладный запах воды и нагретой земли. Где-то далеко, в долине, зазвонил сигнал общего сбора.

Он знал этот звон. Когда-то он сам бил в этот колокол, когда собирался Круг.

Вечерний Круг собрался в амфитеатре под открытым небом.

Это была старая традиция Эквитариума – обсуждать важные решения лицом к лицу, без голограмм и нейроинтерфейсов. Считалось, что так труднее солгать и не быть искренним. Амфитеатр был выбит прямо в скале: каменные скамьи полукругом, центральная площадка для ораторов, над головой – небо, затянутое лёгкой дымкой. Никаких экранов, никаких подсказок анализа КСИ. Только голоса и взгляды живых людей.

Сегодня яблоку было негде упасть.

Каин пришёл последним и сел в дальнем ряду, у самого края, где тень от старой сосны падала на камень. Он пришёл не ради обсуждения – ради сына. Рафаэль сидел в пятом ряду, среди молодых ремесленников, и лицо его было сосредоточенным, почти напряжённым.

Председательствовал старый Брам, бывший наставник Каина, человек с голосом, как жернов – медленным и перемалывающим всё в муку. Он зачитал повестку: распределение воды, ремонт акведука, вопрос о Контакте.

При слове «Контакт» зал загудел.

– Тишина! – Брам стукнул посохом. – Слово имеет гражданин Луций из пятого кластера.

Каин вздрогнул. Луций? Это имя он слышал впервые за несколько лет. Но тот, кто поднялся на центральную площад-

ку, был смутно знаком – высокий, широкоплечий мужчина с гривой седых волос и взглядом, который не обещал ничего хорошего.

Луций был из тех, кого в Эквитариуме называли «профессиональными делегатами». Он не работал руками, не стоял за станком и не пахал землю. Его работой было убеждение. Он говорил – и люди слушали. Он предлагал – и Круги принимали.

– Граждане, – начал с паузой Луций, и его голос разнёсся по амфитеатру без всякого усиления, – мы живём в изоляции уже больше ста лет. Мы построили самое справедливое общество. Мы научились слушать друг друга. И мы гордимся этим по праву.

Зал одобрительно загудел. Луций выдержал паузу, как будто оценивал реакцию слушателей.

– Но гордость не должна становиться слепотой. Там, за границами нашего мира, существуют другие. Они другие – да. Они живут по иным законам. Возможно, несправедливым. Возможно, жестоким. Но они существуют. И рано или поздно они придут к нам. Вопрос лишь в том – мы откроем дверь сами или будем ждать, пока её выломают?

Тишина. Каин почувствовал, как холодок пробежал по спине. Он слышал эту риторику раньше. Очень давно. И знал, к чему она может привести.

– Я предлагаю создать Контактную Комиссию, – продолжал Луций. – С широкими полномочиями. С правом вести

переговоры от лица всего Эквитариума. Без долгих согласований с каждым кластером. Время не ждёт, граждане. Мы должны быть готовы к любой ситуации.

– А кто войдёт в Комиссию? – выкрикнул кто-то из первого ряда.

Луций улыбнулся – спокойно, открыто, дружелюбно.

– Лучшие из нас. Те, кому вы доверяете. Я готов предложить свою кандидатуру и кандидатуры моих коллег, но решение, разумеется, за Кругом.

– Разумеется, – тихо подозрительно повторил Каин себе под нос.

Он знал эту уловку. Он сам использовал её когда-то, в другой жизни, когда ещё верил, что демократия – это универсальный ответ на любой вопрос. Предложить «широкие полномочия» для «чрезвычайной ситуации», которую сам же и создал. Назначить «лучших», которых сам же и выбрал. И Круг проголосует «за», потому что страх – лучший агитатор.

– Отец?

Каин повернулся направо. Рафаэль незаметно пересел к нему, в тень сосны. Глаза у него горели – тем самым опасным огнём, который Каин слишком хорошо помнил по глазам Ирис.

– Ты слышал? – прошептал Рафаэль. – Контактная Комиссия! Наконец-то кто-то говорит дело. Луций прав – мы не можем вечно прятаться.

– Это не прятание, – тихо ответил Каин. – Это осторож-

ность.

– Мама была осторожной?

Каин дёрнулся, будто от электрического удара. Рафаэль этого не заметил – или сделал вид, что не заметил. Он уже снова смотрел на площадку, где Луций заканчивал речь под одобрителный гул толпы.

– Мы должны выйти навстречу неизвестному! – гремел убедительно Луций, жестикулируя руками. – Как делали наши предки до Схизмы. Как делала Ирис Таран, первая, кто открыла пробой!

Каина обдало холодом. Имя. Он произнёс её имя. Здесь, перед всем Кругом, как знамя. Как козырь. Как оправдание для новой авантюры, которая могла погубить всё, что они строили в этом мире десятилетиями.

– Откуда он то знает про неё? – выдохнул Каин.

– Все знают, – ответил Рафаэль, и в его голосе прозвучала гордость. – Она – легенда. Единственная, кто осмелилась. Луций говорит, что мы должны продолжить её дело.

– Луций говорит, – передернул его Каин. – А ты всё слушаешь.

Рафаэль повернулся к отцу. В сумерках его лицо казалось старше, жёстче.

– Да, слушаю. Потому что ты молчишь. Как молчишь уже двадцать лет, отец. О маме, о пробоях, о том, что ты видел. Ты всё прячешь в себе, как будто этого не было. Но это было. И люди хотят знать правду.

Каин ничего не ответил. Он смотрел на сына – и видел Ирис. Видел её горящие глаза, её бескомпромиссность, её готовность идти до конца. И видел Луция, который стоял в круге света и принимал аплодисменты, как принимают дань.

– Ты пойдёшь за ним? – спросил Каин.

– Если он предложит путь – пойду, - безапелляционно твердо ответил юноша.

Рафаэль сказал это просто, без вызова, но каждое слово обожгло Каина, как прикосновение к раскалённому металлу. Он хотел что-то сказать – предостеречь, запретить, раскрыть правду об Ирис. Но слова застряли в горле, как случалось всегда, когда речь заходила о ней. Он не хотел потерять последнее, что удерживало его ближе к сыну.

Участники Круга сглотнули комок в горле и проголосовали.

Руки поднялись – сотни рук, почти единогласно. Контактная Комиссия была создана. Луций поклонился, прижав ладонь к сердцу в старом жесте благодарности.

– Решение принято, – объявил Брам. – Круг закрыт.

Люди начали расходиться, обсуждая новость, и в их голосах звенело возбуждение. Каин остался сидеть в тени, глядя на опустевшую площадку. Рафаэль уже шёл вниз, к группе молодых сторонников Луция, и его спина была прямой, как клинок.

Каин смотрел на сына и чувствовал, как внутри что-то сжимается – туго, до боли. Не страх. Хуже. Узнавание. Ко-

гда-то он сам так же смотрел на того, кто обещал путь. И знал, чем это закончилось.

Луций, проходя мимо, на мгновение задержал на нём взгляд. Улыбнулся – едва заметно, одними уголками губ. И пошёл дальше, окружённый толпой.

Каин остался один в амфитеатре, вспоминая как раньше приходил на Круги и выступал перед жителями. Ночь медленно опускалась на долину, окутывая темнотой окрестности, пахло остывающей хвоей и теплой сырой землёй. Где-то вдалеке зажглись первые огни ближайших кластеров.

Он знал, что должен действовать. Знал – и не мог. Страх, старый, как его шрам на левой ладони от осколка Резонатора, держал его крепче всяких цепей. Он просидел еще долго, до темноты, глядя на гаснущие огни, и думал об Ирис и о сыне. О пробое, который когда-то разорвал его жизнь пополам.

И с частицей надежды, что вторая половина, возможно, ещё найдется.

Глава 4. Пробой

Лия вышла из пробоя в Коммунитасе и первым делом вдохнула воздух.

Воздух оказался именно таким, как она помнила: спёртый, казённый, с химическим послевкусием детства. Хлорка пополам с сыростью, как в подвале старой лечебницы. После кондиционированного «горного луга» её пентхауса это было почти оскорбление, но не смертельное.

Она стояла в узком проулке между двумя серыми зданиями. Пробой схлопнулся за спиной беззвучно, как всегда, с легким ощущением хлопка за спиной. Никто не заметил. Здесь вообще мало что замечали – люди Коммунитаса ходили, опустив глаза, занятые своими мыслями или отсутствием таковых. Возникало ощущение зомбированности или непонятной устремленности как сектантов.

Лия поправила манжету. Костюм на ней был не её – серый, тяжелый, грубого сукна, с нашивкой третьего сектора. Такие носили местные клерки. Она добыла его три дня назад через контрабандистов, и стоил он немного больше, чем месячная аренда её квартиры. Но игра стоила свеч – без маскировки в Коммунитасе нельзя было пройти и ста метров. А шантажисты выставили свои неудобные требования - найти исходный код МОНОЛИТа.

Не весь, разумеется. Людям из «Омни-Синт» нужны бы-

ли базовые протоколы – алгоритмы коллективного принятия решений, которые можно было адаптировать под потребительские нейросети. Лия не спрашивала зачем. Ей платили её же свободой, точнее, ей угрожали, что было в Капитарионе вполне легитимной формой оплаты.

Данные хранились в Центральном Архиве Службы Гармонии. Три уровня охраны. Биометрический допуск. Патрули. Круглосуточный персонал.

Одним словом, детский сад.

Лия улыбнулась мысленно, не лицом. Лицо здесь лучше было держать нейтральным. Нейтральность в Коммунитасе почиталась как добродетель. Любое сильное чувство – даже радость, считалось подозрительным. «Эмоциональная распушенность», как гласили местные инструкции.

Она двинулась по улице.

Главный проспект Коммунитаса напоминал бесконечный заводской коридор, вывернутый под открытое небо. Серые коробки зданий, никакой рекламы, никаких вывесок – только номера секторов и принадлежность к кластеру, нанесённые трафаретом на стены. Люди шли ровными потоками, не обгоняя, не задерживаясь. Одинаковые плащи, одинаковые кепки, одинаковое выражение лиц – спокойное, сонное, без вспышек.

Вскоре она свернула в боковую улицу.

Здесь было тише. Жилые блоки, школа, распределитель продовольствия. Очередь у распределителя – десятка полто-

ра человек с серыми сумками не обратили на неё никакого внимания. Она прошла мимо, отсчитывая шаги. Через сто метров служебный вход в Архив.

Дверь была заперта. Электронный замок. Примитивный как, впрочем, и вся архитектура этой реальности.

Лия достала из рукава тонкую пластину – взломщик универсальных кодов, разработка «Омни-Синт», третье поколение. Прижала к сенсору. Замок пискнул и открылся.

– Классная игрушка, – восхищенно прошептала она.

Внутри было темно и тихо. Архив Коммунитаса не охраняли с помпой, здесь не было ничего ценного в понимании Капитариона. Никакого золота, никаких патентов, чертежей уникальных приборов. Только данные. Данные о людях, данные о труде, данные о Гармонии, архивы разговоров и логи действий жителей. Скука смертная.

Лия двигалась по коридору, сверяясь с планом, который заучила наизусть. Главный серверный зал на третьем уровне. Биометрический пост у лифта. Она обошла его, спустившись по лестнице. Камеры висели на каждом углу, но Лия знала их мёртвые зоны: спасибо агенту «Омни-Синт», который три года работал в Коммунитасе под прикрытием и успел составить подробную карту, которую любезно передал Наниматель.

Серверный зал встретил её холодом и монотонным гулом процессоров, иногда сменяющийся свистом редких, набирающих обороты, охлаждающих кулеров.

Она села за терминал. Вставила чип-ключ. Система запросила подтверждение личности – Лия обошла и это, используя украденный заранее код офицера Службы Гармонии некоего Ильи Морозова. Фамилия ничего ей не говорила. Обычный винтик. Обычный серый человечек этого серого мира.

Экран моргнул и выдал директорию.

– МОНОЛИТ, – прошептала Лия, пролистывая файлы. – Ага, вот и они. Базовые протоколы. «Алгоритмы коллективного сознания», – увлеченно вслух произнесла Лия.

Она нашла данные так нужные шантажистам, которые заставляли миллионы людей в этом мире думать одинаково, или хотя бы верить, что они думают одинаково. Она запустила копирование. Индикатор пополз вправо. Медленно.

– Давай, давай, давай... – нетерпеливо подгоняла накопитель девушка, горя желанием уйти из этого неприятно пахнущего мира.

Сзади раздался шорох. Легкий. Почти неуловимый. Но Лия услышала.

Она обернулась.

В дверях стоял молодой человек. Высокий, широкоплечий, в форме Службы Гармонии. Серые глаза смотрели спокойно, без удивления – словно он ожидал увидеть здесь именно её. На груди – значок с именем: «И. Морозов».

– Офицер Морозов, – сказал он. – Вы арестованы.

– Илья, – вырвалось у Лии раньше, чем она успела при-

кусить язык. Фамилия с плана. Тот самый винтик и человек никто.

– Откуда вы знаете моё имя?

Лия не ответила. Её рука метнулась к браслету, там был спрятан импульсный парализатор. Но Илья оказался быстрее. Он перехватил её запястье, и они сцепились грубо, неуклюже, не как шпионы, а как двое людей, которые не привыкли драться.

– Пусти! – как выстрел вскрикнула девушка.

– Стоять!

Лия вывернулась. Браслет треснул. Из него выпала таблетка – та самая, пробный образец «Эмпатии-Плюс», которую она зачем-то сунула в карман перед выходом. Глупо. Смешно. Химическая радость на сером полу Коммунитаса.

Илья смотрел на таблетку. Потом на неё. В его глазах что-то мелькнуло – не узнавание, нет. Скорее вопрос. Первый вопрос за долгое время.

– Вы из Капитариона, – сказал он.

– Поздравляю, офицер. Отличная дедукция. – едко заметила она.

– Зачем вы здесь?

– Туризм! Закаты тут у вас красивые и воздух целебный.

Илья не улыбнулся. Он потянулся к наручникам. Лия попыталась, лихорадочно соображая. Бежать? Куда? Дверь одна, он загораживает. Окна нет. Терминал всё ещё копировал файлы – оставалось двадцать процентов. Если она продер-

жится ещё минуту...

И в этот момент что-то случилось.

Воздух в комнате сгустился, как перед грозой. Волосы на руках встали дыбом – точно так же, как тогда, пять лет назад, когда она впервые провалилась в пробой. Терминал мигнул и погас. Свет заморгал. А потом прямо посреди комнаты, между ней и Ильёй воздух треснул.

Неуправляемый пробой открылся без предупреждения.

Не маленький, контролируемый, как у неё. Огромный. Рваный. Дикий.

– Что за... – начал Илья, но не успел ничего договорить.

Разрыв втянулся – тот самый страшный неуправляемый вдох пустоты. Воздух рванулся к нему, увлекая всё: бумаги, таблетку, мелкие обломки. Лию потащило вперёд. Она уцепилась за металлическую столешницу стола, накрепко прикрученного к полу, но пальцы соскользнули по металлу вслед за мелочами втянутые в пробой.

Илья схватил её за руку рефлекторно, не думая, просто потому что привык ловить, а не отпускать. Их взгляды встретились на долю секунды. В его глазах был страх живой, человеческий страх, который пробился сквозь серую броню офицерской формы.

А потом разрыв реальности втянул в себя их обоих.

Падение было долгим и беззвучным.

Лия не чувствовала тела. Не видела ничего, кроме белиз-

ны. Не слышала ничего, кроме собственного сердца, оно колотилось где-то в горле, огромное, испуганное, живое. Она попыталась закричать и не смогла. Бешенный чужой энергетический поток затянул ее в реальность пустоты.

Илья был где-то рядом. Она знала это без доказательств – просто знала. Они падали вместе, всё ещё сцепленные руками.

А потом белизна кончилась.

Она ударилась о землю – твёрдую, ровную, никакую. Воздух как точным хуком боксера, вышибло из лёгких, сбив дыхание. Несколько секунд Лия лежала неподвижно, пытаясь понять, жива ли она. Боль была, дыхание восстанавливалось короткими вдохами и выдохами, значит, жива. Встала. Пошатнулась. Огляделась.

Вокруг была Пустошь.

Серая равнина без горизонта. Ни неба, ни земли – только пространство, залитое ровным, бестеневым светом. Никаких ориентиров. Никаких запахов. Никаких звуков, кроме их дыхания.

Илья поднялся следом. Лицо бледное, в глазах растерянность. Форма офицера Службы Гармонии выглядела здесь дико – как парадный мундир на похоронах.

Он посмотрел на Лию. Потом на Пустошь. Потом снова на Лию.

– Где мы? – спросил он хрипло и растерянно.

– Там, где не следовало оказываться, – недовольно отве-

тила она. – Ни вам, ни мне.

– Что это за место?

– Это Пустошь, офицер. Добро пожаловать в пространство между мирами. Вас приветствует Пустошь! – язвительно манерой диктора произнесла девушка.

Илья медленно обвёл взглядом серую бесконечность. Его рука всё ещё сжимала её запястье – он не заметил, что держит её.

Лия заметила. Но не отдёрнула руку, пытаясь вырваться.

– Вы трансмиттер? – спросил он вдруг. – Я слышал о таких.

– А вы, судя по всему, тоже, – парировала она. – Обычных людей сюда не затягивает. Им здесь не рады.

Илья замолчал. В его глазах мелькнуло что-то – тень воспоминания, забытого и вдруг ожившего. Сны о двери. О тёплой ручке. О ком-то, кто ждал с той стороны.

– Нет, – сказал он. – Я не...

– Обсудим позже, – махнула рукой и оборвала голосом Лия. – Сейчас надо понять, как отсюда выбраться и где мы в этой реальности. Пробой схлопнулся. Мы здесь. Вдвоём. И помощи не будет.

Илья отпустил её запястье. Они стояли друг напротив друга – женщина из Капитариона и офицер из Коммунитаса, враги по всем законам всех миров. Но здесь, в Пустоши, не было законов, не было различий, законов и правил. Не было рейтингов и Гармонии. Только двое. И серая бескрайняя

бесконечность вокруг.

Сердце Лии всё ещё колотилось где-то в горле. Она смотрела на Илью, и не знала, бояться его или радоваться, что не одна.

Казалось, он думал о том же.

Глава 5. Небо без АУРЫ

Тишина в Пустоши была не просто отсутствием звуков. Она была веществом – плотным, вязким, заполнявшим уши и лёгкие, как будто звук гасился мягкими стенами в комнате для содержания особо буйных пациентов. Лия сделала шаг. Под ногой ничего не хрустнуло, не зашуршало, не отражала ничего. Поверхность – то ли камень, то ли спрессованный пепел, ничего не издавало ни звука. Как будто мир отключил колонки и забыл включить обратно.

– Здесь всегда так тихо? – спросил Илья.

Голос прозвучал глухо, без эха. Слова упали и умерли сразу, как мухи в вакууме.

– Всегда, – ответила Лия. – Привыкайте, офицер. Это место не любит громкости.

Она не оборачивалась. Ей не хотелось смотреть на него сейчас – на эту дурацкую форму, на серый значок с буквой «И», на растерянность, которую он пытался спрятать за служебной выправкой. Всё это было слишком каким-то по человечески искренним. А человеческое в Пустоши пугало даже больше, чем мертвая тишина.

Они двинулись вперёд. Куда? Лия не знала. Ориентиров не было. Серая равнина уходила во все стороны одинаково, без теней и перспективы. Идти можно было час или сутки – ничего не менялось. Только сердце методично отдавало в

груди, отсчитывая секунды вместо часов. Но в голове пульсировала мысль, что нужно хотя бы просто идти.

– Вы здесь уже бывали, – сказал Илья.

Это был не вопрос. Лия услышала в его голосе что-то новое – не обвинение, не страх. Любопытство.

– Несколько раз. Случайно.

– Как можно случайно попасть в пространство между мирами?

– Очень просто. Один раз чихнула не в ту сторону и полетела как спущенный воздушный шарик.

Илья фыркнул. Звук был странный – полузадушенный смешок, который он тут же обрубил, словно стесняясь. Лия обернулась, не удержавшись. Илья смотрел на неё с недоверием – и чем-то ещё. Тем же, что мелькнуло в его глазах там, в серверной: первым вопросом за долгое время.

– У вас там, в Капитарионе, все такие? – спросил он.

– Какие?

– Острые на язык.

– Только выжившие, – мгновенно отреагировала девушка.

Она отвернулась и пошла дальше. Но краем глаза заметила, что он идёт рядом. Не сзади, как конвоир, и не впереди, как разведчик. Рядом. Плечом к плечу.

Пустошь не дарила ощущений. Лия помнила это по прошлым разам – здесь не было ни тепла, ни холода, ни ветра. Кожа не чувствовала движения воздуха. Лёгкие вдыхали... что-то. Не воздух, а его отсутствие, как кислородный ваку-

ум. Дышать можно было, но каждое дыхание казалось украденным у этой реальности.

– Хочется пить, – сказал Илья через какое-то время.

– Это обман. Пить не хочется. Просто организм не понимает, что он ещё жив, и требует подтверждений.

– И что делать?

– Игнорировать. – холодно ответила она.

Он замолчал. Лия ждала, что он начнёт спорить – офицер Службы Гармонии, привыкший командовать и подчиняться, вряд ли легко принимал инструкции от чужачки из враждебного мира. Но он не спорил. Просто кивнул и продолжил идти. Это было... неожиданно. Офицер другой реальности, несколько минут назад пытавшийся ее арестовать, теперь идет за ней как теленок на заклание от безысходности ситуации.

– Почему вы не пытаетесь меня арестовать? – спросила она.

– Потому что мы не в Коммунитасе. – спокойно ответил Илья.

– А где? По-вашему, это нейтральная территория?

– Я не знаю, что это. Но мой мандат здесь не действует.

Лия усмехнулась. Мандат. Надо же, какие мы правильные? Даже в сердце абсолютного ничего этот человек думал о субординации.

– А ваш рейтинг? – спросил он вдруг. – Там, у вас. Как он называется?

– АУРА. И здесь её нет. Можете радоваться, офицер. Перед вами самый никчёмный человек в ненужной никому известной вселенной. Без баллов я – пустое место.

– Вы не выглядите как пустое место.

– Спасибо. Стараюсь. Если бы не вы, давно уже была бы дома.

Она не ожидала комплимента. Тем более от него. Тем более здесь. Что-то дрогнуло внутри еле заметно, как трещина на стекле. Она не давала трещине разрастись и ускорила шаг.

Впереди показалось что-то вдалеке.

Сначала просто сгущение серого, более тёмное пятно на ровном фоне. Потом – очертания. Стена. Разрушенная, но узнаваемая. За ней – ещё одна. И ещё.

– Что это? – спросил Илья.

– Руины, – ответила Лия, и её голос прозвучал тише, чем она хотела. – Старые. Очень старые. Они здесь были всегда. Они подошли ближе.

Это был город. Или то, что от него осталось. Каменные блоки, источенные временем, складывались в улицы, площади, остовы зданий. Никаких вывесок, никаких символов. Архитектура не напоминала ни один из трёх миров – ни глянцево-небоскрёбы Капитариона, ни серые коробки Коммунитаса, ни природный камень Эквитариума. Что-то другое, архаичное, не присущее ни одной из известных реальностей. Что-то, что существовало до.

– Здесь похоже жили люди, – сказал Илья. Он остановился

перед тем, что могло быть дверным проёмом, и провёл рукой по камню. — Когда-то.

— До Схизмы, — подтвердила Лия. — Я читала об этом. В старых файлах, которые не удалили. Говорили, что до разделения был один мир. Один народ. Одна реальность. А потом что-то случилось, и он раскололся на три.

— Что случилось?

— Никто не знает. Или знают единицы, но молчат. Так легко управлять людьми как стадом. Сакральность всегда была инструментом управления толпой.

Она вошла в проём. Внутри было пусто — только серый пол и тени, которые здесь почему-то вели себя странно, не так, как положено теням. Они падали не от солнца, которого здесь не было, а словно сами по себе, подчиняясь другой логике.

— Здесь необычно красиво, — вдруг сказал Илья.

Лия обернулась. Он стоял посреди разрушенной площади и смотрел вверх — туда, где когда-то, наверное, было небо. Лицо его изменилось. Служебная маска сползла, открыв что-то живое, уязвимое, почти любопытно детское.

— Красиво? — удивленно переспросила она. — Да здесь всё мёртвое!

— Мёртвое, но настоящее. Не как у нас в Коммунитасе.

— А у вас как?

Он помедлил. Потом сказал глухо:

— У нас всё правильное. Ровное, по правилам. Как будто

ненастоящее... Как стены из покрашенного бетона. Красиво – это когда видно, что строили люди, а не инструкции.

Лия не нашлась, что ответить. Она ожидала от него догматов – «Гармония», «Единство», «Общее Благо». А получила... это. Странное, горькое признание. Оно не укладывалось в её картину мира, где офицер Коммунитаса – это либо фанатик, либо идиот, либо и то, и другое сразу одновременно.

– У вас там есть семья? – спросила она, просто чтобы сменить тему любования офицера сюрреалистичной красотой.

– Сестра. Аня.

– Близкие?

– Ближе некуда.

Он отвернулся. Лия поняла: дальше спрашивать не стоит. Не здесь и не сейчас.

Они пошли дальше. Руины тянулись бесконечно – целый мёртвый город, застывший в вечности Пустоши. Лия пыталась представить, каким он был до Схизмы. Кто жил здесь? О чём они спорили? Любили ли они? И было ли у них всё так же сложно, как у неё, – или до разделения люди были проще, чище, цельнее?

– Мы не первые здесь, – сказал Илья.

Он указывал на стену. На камне были вырезаны буквы – старые, выцветшие, но читаемые. Лия подошла ближе.

«Ирис была здесь. Я найду выход».

У Лии перехватило дыхание.

- Ирис. Та самая Ирис из легенды. Первооткрывательни-

да пробоев. Женщина, которая шагнула в неизвестность и не вернулась. И Каин – её муж, о котором говорили, что он сошёл с ума после её исчезновения. Они были здесь? В этой самой Пустоши.

– Это старая надпись, – сказала она. – Очень старая.

– Кто они?

– Легенды. Из Эквитариума. Она первой открыла пробой. Говорят, он остался жив. Больше ничего не знаю.

Лия не стала добавлять, что легенда обрывалась плохо. Что Ирис исчезла. Что Каин проклял всё, связанное с пробоями. Что их история была не о победе, а о потере и вечной разлуке. Зачем? Это не имело отношения к их ситуации. Да и выглядеть гидом ей совсем не хотелось.

Или имело.

– Нам нужно найти выход, – уверенно сказала она. – Ирис нашла. Значит, и мы сможем.

– Как?

– Не знаю. Но теперь мы знаем, что выход есть. Это уже что-то.

Она снова пошла вперёд, но Илья задержался у надписи. Его пальцы скользнули по буквам осторожно, почти благоговейно.

– Возможно, они были вместе, – сказал он. – Муж и жена. И они не бросили друг друга здесь.

– Мы тоже не бросим, – вдруг произнесла Лия, и слова вырвались раньше, чем она успела их осмыслить. И резко

осеклась.

Илья посмотрел на неё. Долго. Внимательно. В его серых глазах что-то менялось – медленно, как лёд, который начинает таять не снаружи, а изнутри.

– Вы очень странная, – сказал он.

– Я знаю. Вы тоже совсем не похожи на офицеров моей реальности.

И тут она почувствовала это.

Тёплая волна, знакомая, почти забытая, пробежала по позвоночнику. Где-то рядом, в нескольких шагах, воздух начинал вибрировать. Лия знала эту вибрацию. Так спонтанно открывался пробой. Кто его открывал разбираться времени не было.

– Сюда, – указала она, показывая рукой направление.

Они побежали. Вернее, попытались бежать – в Пустоши каждое движение давалось с трудом, как под водой. Но разрыв был уже виден: яркая щель в серой бесконечности, пульсирующая, живая.

– Это выход? – крикнул Илья.

– Да! Скорее, пока не схлопнулся!

Они рванулись вперёд одновременно. И вместе шагнули в пробой.

Белизна. Падение. Вдох.

И через секунду – свет. Настоящий, живой свет. Лия почувствовала, как земля – настоящая земля – ударила в подошвы. В нос ударил запах хлорки.

Блин. Опять Коммунитас. Значит это был пробой ее серого напарника из Гармонии.

Они стояли в том же проулке, откуда она начала своё задание. Та же серая стена, та же пыль под ногами. Но что-то изменилось. Что-то важное.

Илья стоял рядом, тяжело дыша. Его форма была порвана на плече, она не заметила, когда это случилось. Лицо бледное, но глаза ясные.

– Мы вернулись, – сказал он.

– Вернулись.

– Но... – он прижал ладонь к груди, странным жестом, словно проверяя, на месте ли сердце. – Я всё ещё чувствую её.

– Кого?

– Вас.

Лия замерла. Она тоже чувствовала. Не просто его присутствие рядом – она чувствовала его самого. Слабую, тёплую пульсацию где-то на грани сознания. Как эхо. Как ощущение капли воды на кончике пальцев. Как второе сердцебиение, которое теперь всегда будет идти рядом с её собственным.

– Это связь, – сказала она. – Пустошь как-то нас связала. Теперь мы... не одни.

– Навсегда?

– Не знаю. Но пока да.

Илья медленно опустил руку. Он смотрел на неё, и в его

глазах больше не было ни страха, ни подозрения. Что-то новое. Что-то, чему ни один из них ещё не знал названия.

– Что теперь? – спросил он.

– Теперь, – Лия вздохнула, – у нас обоих проблемы. У меня шантажисты. У вас сестра. И эта связь... это всё усложняет.

– Или упрощает.

– Посмотрим.

Она пошла прочь, к выходу из проулка. Через три шага обернулась.

– Офицер Морозов.

– Да?

– Найдите сестру. Пока не поздно.

Илья ничего не ответил. Но когда Лия скрылась за углом, он всё ещё стоял посреди проулка и смотрел ей вслед. И чувствовал, как второе фантомное сердце бьётся где-то в груди тихо рядом с его настоящим, ровно, настойчиво.

Связь не оборвалась.

Глава 6. Крысы в норе

Башня «Омни-Синт» не была самой высокой в Капитарионе, но её архитекторы брали другим. Сто двадцатый этаж нависал над финансовым центром, как хищная птица над стаей голубей. Панорамные окна из умного стекла показывали город в режиме «стратегический обзор»: цветные линии транспортных потоков, пульсирующие кластеры рейтинговой активности, карта потребления в реальном времени. Красиво. Функционально. Цинично.

Советник Векслер стоял у окна и смотрел на эту технократическую красоту без всякого удовольствия. Он вообще редко испытывал удовольствие, разве что от хорошо проделанной работы и увеличения его капитала баллов. А работа, которую он задумал сегодня, обещала быть очень, очень хорошо проделанной.

– Она уже там? – спросил он, не оборачиваясь.

Помощница, молодая женщина с лицом, которое ничего не выражало по долгу службы, сверилась с планшетом.

– Госпожа Таран вошла в пробой сорок минут назад. Сигнал чистый. Она в Коммунитасе.

– Код МОНОЛИТа?

– Пока нет. Ждём.

Векслер кивнул. Лия Таран была хорошим и удачно выбранным инструментом – острым, точным, предсказуемо

управляемым через её единственную уязвимость: страх перед обнулением. Такие инструменты он любил. Такие, как она, не ломались в самый неподходящий момент и не задавали лишних вопросов, выживали в любой ситуации. А если и задавали, то ответ был прост: шантаж.

Он отошёл от окна и сел за стол. Стол был пуст, если не считать встроенного голографического проектора и чашки с остывшим чаем. Векслер не любил беспорядок. Беспорядок – это непредусмотренные переменные. А непредусмотренные переменные – это риск и неопределенность.

– Запускайте «Золотую кровь», – сказал он кому-то нажав на кнопку телекоммутатора. – Пора.

Операция «Золотая кровь» готовилась три месяца.

За это время аналитический отдел «Омни-Синт» провёл двести сорок семь симуляций. Каждая показывала одно и то же: если уронить рейтинг Совета «Старых Акционеров» хотя бы на пятнадцать процентов, их контроль над Бюро Рейтинговой Безопасности ослабнет, и «Омни-Синт» сможет провести в Совет своего кандидата. А дальше – дерегуляция генетического патентования, снятие ограничений на коммерческое использование нейроинтерфейсов и, в конечном счёте, монополия на технологию «Воплощения». Вечная жизнь как платная услуга. Рынок объёмом в три реальности.

Но для того, чтобы уронить рейтинг, нужен был громкий скандал. Не бухгалтерская махинация, не слухи, не слив

компромата. Нужна была смерть. Красивая смерть красивой женщины с богатыми красивыми генами. Женщины, которая принадлежала «Старым Акционерам» на правах запатентованной собственности. Женщины, чьё убийство должно было выглядеть как провокация из Коммунитаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.